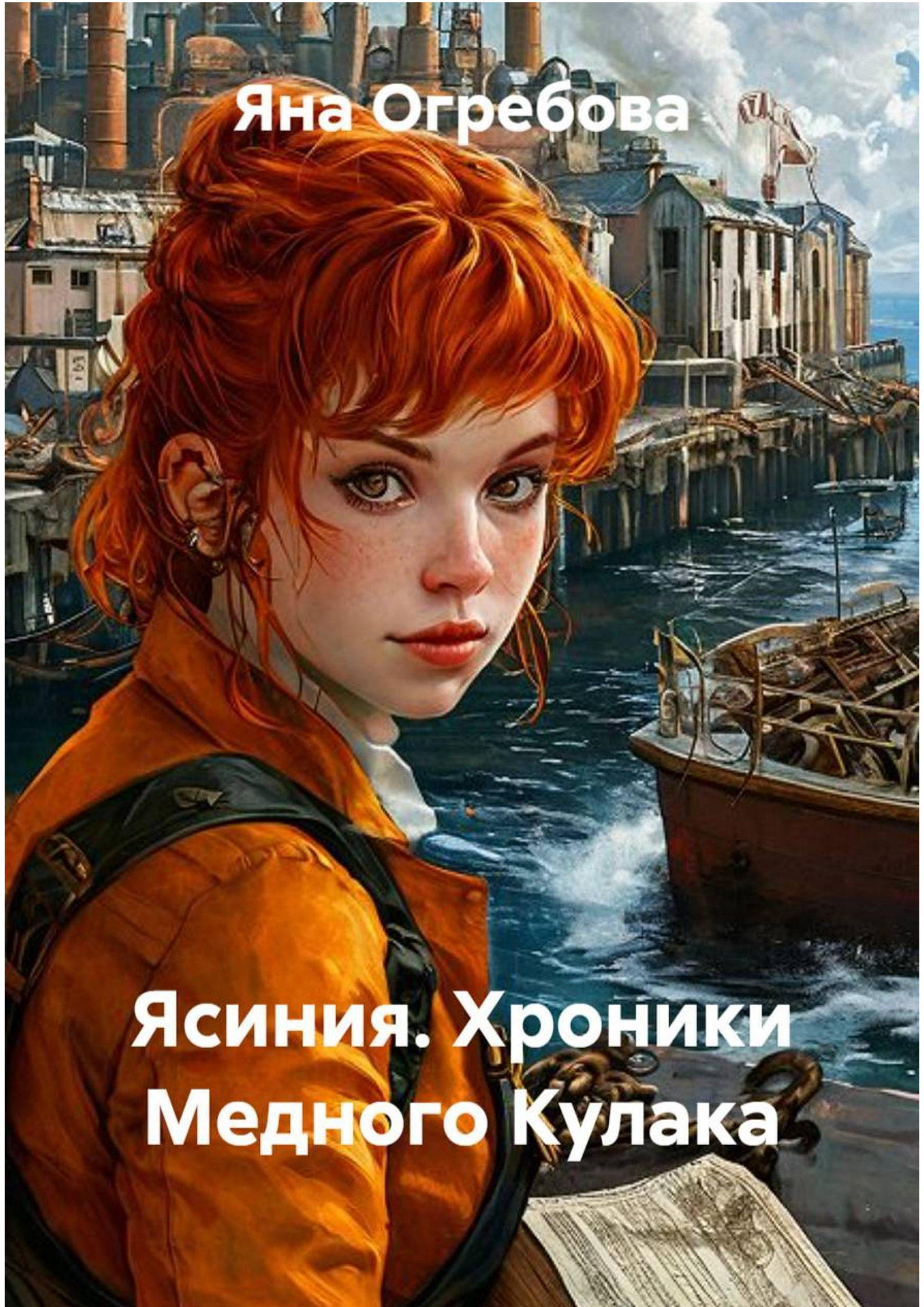

Яна Огребова

**Ясиния. Хроники
Медного Кулака**

Яна Огребова

Ясиния. Хроники Медного Кулака

«Автор»

2026

Огребова Я.

Ясиния. Хроники Медного Кулака / Я. Огребова — «Автор»,
2026

В городе-архипелаге Медный Кулак, отрезанном от мира шестьдесят лет назад, служит налоговым инспектором необычная девушка Ясиния. В этом уникальном месте, где вместо электричества правит пневмоника наука о живом паре, она проверяет декларации капитанов воздушных барж и контролирует поставки угля. Рыжеволосая героиня с янтарными искрами в глазах отличается вспыльчивым характером и скрупулёзностью. Город окутан рыжей дымкой, пахнет корицей и машинным маслом, а вместо денег здесь используют квоты на уголь. Но предчувствие перемен не покидает Ясинию. Её обычная работа может привести к большим изменениям, когда она начинает замечать признаки того, что за пределами изолированного архипелага происходит нечто необычное. Это история о порядке и хаосе, о поиске своего места в мире на пороге перемен, где стимпанк переплетается с городским фэнтези.

© Огребова Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тень Совы на Медном Кулаке	5
Глава 2. Восьмой день Ясинии	8
Глава 3. Птицы, которые не взлетят	11
Глава 4. Три свидетельства о рыжей	14
Глава 5. День, которого не было	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ясиния. Хроники Медного Кулака

Глава 1. Тень Совы на Медном Кулаке

Меня зовут Ясиния, и я — налоговый. Звучит как начало очень скучной автобиографии, но в Медном Кулаке скучных биографий не бывает. Здесь каждая строчка декларации пахнет угольной пылью и застарелым страхом, а за каждой неучтённой квотой стоит чья-то судьба. Моя работа — считать, сверять и находить несоответствия. И я её ненавижу почти так же сильно, как люблю.

Позвольте представиться подробнее. Я — та самая рыжая девица, которую капитаны воздушных барж поминают недобрым словом, когда я нахожу у них лишний мешок угля. Рыжая не просто так: мои волосы — дикий, почти лисий оттенок, какой бывает у опавших кленовых листьев в конце октября. Они выются непослушными кольцами, и это не просто прическа, а скорее диагноз. Когда я злюсь — а злюсь я, надо признать, часто — кончики прядей начинают потрескивать, по ним пробегает статическое электричество. Местные механики говорят, что в воздухе Медного Кулака слишком много пара и взвеси, и эмоции здесь заряжаются, как конденсаторы. Не знаю, магия это или физика, но щиплется ощутимо.

Глаза голубые. Почти прозрачные, если смотреть при дневном свете, который здесь всегда тусклый, как сквозь закопченное стекло. Но если присмотреться — или если встретиться со мной в темноте, — вокруг зрачка видно янтарные искры, будто трещины во льду, в который плеснули виски. В темноте они слабо светятся. Честное слово, я не вру: когда я спускаюсь в трюм баржи с внезапной проверкой, контрабандисты сначала видят эти два огонька, а потом уже меня. Совы и лисы — мои тотемы. Лисье чутьё на ложь и совиное ночное зрение в этом мире не так бесполезны, как может показаться.

Лицо у меня круглое — честное, открытое, почти детское. Длина и ширина практически равны, так что я похожа на луну, какой её рисуют в старых книжках. Никакой угловатости: скулы и щёки — самая широкая часть, контуры мягкие, округлые, словно их выводили циркулем. Подбородок круглый, линия челюсти почти не выражена — одним словом, физиономия, которой трудно кого-то запугать. И это создаёт определённые проблемы на службе: когда ты выглядишь как племянница булочника, капитаны барж не сразу понимают, что с тобой лучше не спорить. Но я научилась компенсировать это голосом и манерой держаться.

На носу — очки в чёрно-красной оправе. Тонкая чёрная линия с внешней стороны переходит в алый, цвета запёкшейся крови или сигнального огня на пульте механика. Красный, надо сказать, уже порядком облупился — я слишком часто поправляю очки, когда нервничаю, а нервничаю я на каждой второй проверке. Линзы у них слегка тонированные, не от солнца (солнца здесь нет), а чтобы скрывать эти дурацкие янтарные всполохи в глазах. Не то чтобы я их стеснялась — скорее, устала объяснять каждому второму, что я не полукровка из клана Подземных, а просто странная.

Шрамов нет, но есть веснушки. Много, густо, на переносице они сливаются в золотистое пятно и лезут даже под оправу. Кожа бледная, почти фарфоровая — загар здесь негде взять, солнце висит в рыжей дымке, вялое и старое. Так что я похожа на куклу, которую по ошибке занесли в кузнечный цех. Круглолицая кукла в очках и с искрами в зрачках — поверьте, зрелище запоминающееся.

Характер? Вспыльчивый. Нетерпимый к дуракам и к любой критике в мой адрес. Я знаю, что часто бываю неправа, но признаю это только глубокой ночью, без свидетелей, кусая губу от злости на саму себя. Днём же я — кремень. Ответственная до занудства, пунктуальная до того, что сверяю часы каждые пятнадцать минут не ради спешки, а чтобы убедиться, что мир ещё движется по правилам. Я люблю сов и лис до странности преданно: собираю картинки,

фигурки, дурацкие амулеты из портовых лавок. Это не хобби, это, наверное, попытка понять, кто я такая. Лисы — хитрость и выживание; совы — ночная мудрость и одиночество.

И я обожаю кофе. Черный, горький, обжигающий. Кофе здесь стоит бешеных денег и идет по контрабандным каналам, но я позволяю себе эту маленькую слабость. Потому что кофе — это якорь. Он пахнет не углем и корицей, а совсем другим миром.

Мир, в котором я живу, называется Медный Кулак. Это город-архипелаг на девяти скалистых островах, соединенных висячими мостами и чугунными переходами. Представьте себе конец девятнадцатого века, который пошел не по плану: электричество не прижилось, зато открыли пневмонику — науку о живом паре под давлением. Пар здесь дышит, помнит, обижается и мстит. Механики-пневмоники, почти священники, умеют с ним договариваться. А я лишь считаю уголь, которым этот пар питается.

Шестьдесят лет назад здесь хотели построить идеальный город будущего — с пневмопочтой, паровыми лифтами, центральным отоплением. Не вышло. Случился Раскол, и архипелаг отрезало от остального мира. Или мир отрезало от нас — никто не знает. Корабли уплывают и не возвращаются. Небо затянуто рыжей дымкой, сквозь которую солнце кажется медным пятном. И у нас два светила: старое солнце и Маяк — рукотворная зеленая звезда на центральной башне, которая горит вечно. На Маяк молятся, по нему сверяют курс капитаны воздушных барж. Я не молюсь, но ночью часто смотрю на это зеленое пламя и пытаюсь понять, что оно мне обещает.

Технологии здесь громоздкие и живые. Воздушные баржи — огромные неповоротливые дирижабли из ткани, пропитанной медным купоросом. Они возят уголь и воду, скрипят и требуют ласки. Пар в их баллонах старый, капризный, чует непогоду за сутки. Природу мы истребили подчистую: последнее дерево спилили на дрова сорок лет назад. Зелень — только в оранжереях богачей, кислород вырабатывают паровые легкие на Шестом острове. Воздух воняет машинным маслом и сероводородом, который глушат коричневым фильтром. Поэтому Медный Кулак всегда пахнет корицей, металлом и отчаянием.

Богов у нас нет. Официально поклоняются Маяку и Хранителям — ордену механиков, но каждый верит во что хочет: кто в Пар, кто в чертежи, кто в удачу. Денег в привычном виде нет, только квоты на уголь и рабочие часы. Коррупция узаконена и отлажена, как старый паровой котел. В этом мире я — инспектор налоговой службы. Нет, не авантюристка, не маг, не убийца с кодексом. Я сижу в душном кабинете на Седьмом острове и проверяю декларации воздушных капитанов. Считаю уголь. Сверяю циферки. От моей скрупулёзности зависит, сможет ли архипелаг протянуть еще хотя бы год.

Почему именно такая работа? Потому что я ненавижу хаос. Потому что когда всё по правилам, когда каждый мешок угля на своем месте, мир еще жив. Пусть угля осталось лет на сорок, пусть воздушные легкие изнашиваются быстрее, чем их чинят, пусть Маяк мигает чаще, чем в старых учебниках. Пока квоты сходятся, небо держится. И я держусь.

Никакой великой миссии у меня нет. Я не избранная и не попаданка. Я родилась здесь, на Пятом острове, в семье механика-пневмоника, который погиб при аварии котла, когда мне было пятнадцать. Я не спасаю мир. Мир, честно говоря, спасать поздно. Но я не могу сидеть сложа руки. Поэтому я считаю, сверяю, нахожу контрабанду и безжалостно штрафую. Я чую вранье за версту, вижу в темноте и пью черный кофе, пока город за окном скрипит и оседает.

План? Плана нет. Есть привычка: каждую проверку начинать с того, чтобы приехать на причал за пятнадцать минут до отправления и выпить кофе, глядя на опаздывающих. Наблюдение за чужими ошибками успокаивает.

Сегодня я еду на Восьмой остров, рутинная инспекция. Но что-то мне подсказывает — тем самым лисьим нюхом, — что в этот раз я найду не просто неучтенный уголь. Что-то пахнет не корицей, а озоном, морем и тем, что старые механики называли Внешним Воздухом. Воздухом с той стороны Раскола. И если это правда, то моя скучная работа только что закончилась.

Я поправила очки — красная оправка привычно скользнула вверх по переносице, — сверилась с часами и шагнула к трапу.

Глава 2. Восьмой день Ясинии

Будильник не сработал.

Ясиния поняла это не сразу — сначала просто почувствовала, что тишина в спальне слишком густая, слишком плотная для шести утра. Заводной механизм, который она каждую ночь заводила до щелчка, молчал. В окно сочился не утренний рыжий свет, а глубокая, почти ночная тень, подсвеченная зеленым.

Она села на кровати и поправила очки. Красная оправа привычно скользнула вверх по переносице.

Часы на прикроватной тумбе показывали половину девятого.

Такого не могло быть. Она заводила их лично. Она проверила пружину дважды, как делала всегда. Пятнадцать оборотов ключа, ни больше ни меньше.

— Пар тебя раздери, — прошептала она и тут же одернула себя за ругательство.

Через пятнадцать минут она уже стояла в прихожей, застегивая форменный китель. Руки двигались сами — привычка, вбитая годами службы. Кофе она выпила на ходу, даже не почувствовав вкуса.

На улице пахло иначе.

Это было первое, что ударило в нос. Не корицей, не машинным маслом, не угольной пылью — а озоном. Тем самым запахом, который она учуяла в трюме на Восьмом острове три недели назад. Тем самым, который старые механики называли Внешним Воздухом.

Только теперь им пахло везде.

Улица кишела людьми, хотя в это время здесь обычно было пусто. Торговцы не открывали лавки. Грузчики не разгружали уголь. Вместо этого все стояли, задрав головы к небу, и смотрели на Маяк.

Ясиния тоже посмотрела.

Зеленое пламя больше не было пламенем. Оно развернулось, расплескалось, стало похожим на гигантское крыло, повисшее над городом. Внутри него двигались тени — не человеческие, не звериные, а какие-то текучие, меняющие форму.

— Хранители говорят, это Прорыв, — сказал кто-то рядом. — Воздух с той стороны наконец дошел.

Ясиния обернулась. Перед ней стоял капитан Вельм, тот самый, которого она штрафовала четыре раза за последний год. Обычно он смотрел на нее с плохо скрываемой неприязнью. Сейчас в его глазах не было ничего, кроме растерянности.

— Какой еще Прорыв? — Она поправила очки. — Раскол был шестьдесят лет назад, и ничего с тех пор не менялось.

— Менялось, — сказал Вельм и кивнул на Маяк. — Просто мы не видели.

В канцелярии на Седьмом острове царил хаос.

Ясиния прошла через приемную, где обычно сидел скучающий клерк, и остановилась. Клерка не было. Вместо него на полу лежала груда папок — кто-то сорвал их с полок и не потрудился поднять.

Кабинет выглядел так, будто в нем побывал ураган. Сейф с угольными декларациями зиял распахнутой дверцей. Бланки валялись на полу вперемешку с осколками разбитой чернильницы.

Но хуже всего было не это.

Хуже всего был пар.

Он сочился из всех щелей одновременно. Из вентиляционных решеток, из стыков между трубами, даже из стен — тонкие белесые струйки, которые не пахли гарью. Они пахли морем. Тем самым морем, которого в Медном Кулаке никогда не видели.

Ясиния замерла на пороге. Ее лисье чутье — то самое, которое безошибочно определяло ложь в декларациях, — сейчас кричало так громко, что заглушало мысли.

Пар был не просто живым. Он был разумным. И он ждал.

— Ясиния.

Она вздрогнула. Голос шел из угла кабинета, где ничего не было, кроме старого парового радиатора. Радиатор мелко дрожал, и его чугунные ребра постукивали в такт пульсу Маяка.

Она не ответила. Просто смотрела, как одна из струек пара отделяется от стены и вытягивается в воздухе, будто змея, пробуящая воздух.

— Ты видела зеленый свет, — сказал пар. Это был не вопрос.

— Все видели, — ответила Ясиния. Голос прозвучал ровно, хотя внутри у нее все сжалось. — Что происходит?

Пар качнулся. Ей показалось или он стал немного плотнее?

— Раскол закрывается. Воздух снаружи хочет вернуться. Мы хотим, чтобы он вернулся.

— Кто «мы»?

— Те, кто помнит.

Ясиния сняла очки, протерла стекла краем рукава и снова надела. Это был жест, за которым она прятала страх. Она знала за собой эту привычку и сейчас особенно остро ее ощутила.

— Я налоговый инспектор, — сказала она. — Я считаю уголь и сверяю накладные. Если тебе нужен механик-пневмоник, обратись к Хранителям.

— Хранители лгут, — ответил пар. — Они шестьдесят лет говорили, что Раскол вечен. Что Маяк — это просто свет. Что пар — это просто пар. — Голос стал тише, почти интимным. — Твой отец знал правду. Именно поэтому его котел взорвался.

Сердце Ясинии пропустило удар. Потом еще один. Потом забилось быстро-быстро, так что пришлось схватиться за край стола.

— Мой отец погиб из-за несчастного случая.

— Он погиб, потому что не захотел молчать.

В кабинете стало очень тихо. Даже струйки пара замерли, будто ждали ее реакции.

Ясиния сглотнула. Ей было пятнадцать, когда пришли люди из цеха и сказали, что котел разорвало давлением. Она помнила, как мать молча сидела на кухне и смотрела в одну точку, не плача, не двигаясь. Она помнила, как пахло в доме — не гарью, а почему-то морем.

Тем самым морем, которым пахло сейчас.

— Чего вы хотите? — спросила она.

— Правды, — ответил пар. — И одного дня твоей жизни.

Пар вытек из кабинета, оставив после себя только запах соли и тихий, почти ласковый звон в ушах. Ясиния постояла с минуту, затем села за стол и попыталась разложить бумаги. Пальцы дрожали. Очки запотели.

Она заставила себя дышать.

Пятнадцать вдохов. Какой-то древний ритуал, который она придумала еще в детстве, когда отец впервые взял ее в котельную и показал, как пневматический регулятор отсчитывает давление. Вдох — раз, выдох — два. К пятнадцати паника обычно отступала.

Она досчитала до четырнадцати, когда в дверь постучали.

Трое мужчин в серых мундирах Хранителей стояли в коридоре. У каждого на поясе висел баллон со сжатым умиряющим газом — старым, проверенным средством против взбесившегося пара.

— Инспектор Ясиния? — спросил старший. — Нам нужно поговорить о вашей проверке на Восьмом острове.

Она посмотрела на них поверх очков. Голубые глаза с янтарными искрами сузились.

— У меня нет допуска на Восьмой остров с прошлого месяца, — сказала она. — Вы ошиблись кабинетом.

Хранитель улыбнулся. Улыбка вышла вежливой и совершенно неживой, как у заводной куклы.

— Мы не ошибаемся, — сказал он. — Вы спускались в трюм баржи «Серая Сова». Вы нашли то, что искали. Или, вернее, оно нашло вас.

Ясиния медленно поднялась. Левая рука сама собой потянулась к ящичку стола, где лежал маленький баллончик с перцовым экстрактом — не то, чтобы оружие, но на крайний случай.

— Я ничего не находила, — сказала она. — Обычная проверка. Четыре мешка неучтенного угля. Штраф. Отчет.

— Отчета не было.

— Потому что я не успела его подать.

— Вы не успели его подать три недели назад? — Хранитель перестал улыбаться. — Не держите нас за дураков. Вы чувствуете ложь, инспектор. Но и мы чуем. И от вас пахнет Внешним Воздухом.

Еще вчера она бы растерялась.

Еще вчера она была просто налоговиком с круглым лицом и дурацкими очками, которая любила кофе и ненавидела, когда кто-то указывает ей на ошибки.

Но сегодня пар в стенах говорил с ней голосом мертвого отца. Сегодня Маяк пульсировал, как сердце. Сегодня воздух пах морем, и это значило, что в Медном Кулаке больше нет ничего обычного.

И налоговиков в том числе.

— Знаете, что, — сказала Ясиния и поправила очки (красная оправа блеснула в зеленом свете из окна), — я, пожалуй, все-таки подам этот отчет. Но сначала выпью кофе.

Она шагнула к задней двери, которую держала открытой на случай пожара. Хранители дернулись следом. Ясиния не оборачивалась — просто захлопнула дверь перед их носом и задвинула засов.

Потом побежала.

Чугунные лестницы Седьмого острова звенели под ее ботинками. Мосты раскачивались сильнее обычного. Баржи висели в зеленом небе неподвижно, будто забытые игрушки, и от них тоже тянуло морем. Ясиния бежала, не разбирая дороги, придерживая очки одной рукой, пока не оказалась на краю грузового причала, где было пусто и тихо.

Здесь пахло уже не озоном, а старой медью. Родной, знакомый запах.

Она остановилась перевести дух и тут заметила, что правая рука все еще сжимает баллончик. Она даже не помнила, как достала его из стола. Пальцы разжались с трудом.

«Один день твоей жизни», — сказал пар.

Ясиния посмотрела на часы. Без четверти десять. С улицы доносился далекий гул — кажется, на Первом острове собиралась толпа. Кажется, кричали что-то про Маяк. Про Хранителей. Про правду.

Она не знала, что из этого правда, а что — паника. Лисье чутье впервые в жизни молчало. Совиное зрение показывало только зеленый свет, зеленые тени, зеленое всё.

Но одно она знала точно.

Мир сломался, и сидеть в кабинете больше нельзя.

Ясиния глубоко вздохнула и пошла обратно — не в канцелярию, а к причалам, где стояла та самая «Серая Сова». Если Хранители лгут, если пар помнит ее отца, если с той стороны кто-то ломится, — значит, ответы нужно искать там, где все началось.

В трюме.

Она поправила шарф, сверилась с часами (девять часов пятьдесят две минуты) и шагнула на скрипучий трап.

День только начинался.

Глава 3. Птицы, которые не взлетят

Трап скрипел под ногами — протяжно, жалобно, совсем не так, как скрипят новые трапы на баржах Первого острова. «Серая Сова» была старой посудиною, списанной трижды и трижды возвращенной в строй за неимением лучшего. Ясиния знала ее историю — она читала досье, когда готовила первую проверку капитана Вельма, и уже тогда отметила странность. Баржа имени птицы, которая почти исчезла. Название, данное не в честь, а в память.

Она спустилась в трюм.

Здесь было темно и тихо. Пар не шипел, трубы не дрожали, угольная пыль осела на пол тонким черным слоем. Ясиния поправила очки, и красная оправа привычно скользнула вверх по переносице. Зеленый свет Маяка едва пробивался сквозь зарешеченный иллюминатор, ложился полосами на переборки и делал трюм похожим на подводную пещеру.

Она села на перевернутый ящик и замерла.

Именно здесь, три недели назад, она впервые учуяла Внешний Воздух — запах, которого не должно было быть в Медном Кулаке. Именно здесь она поняла, что ее проверка перестала быть рутинной. Именно здесь кто-то заговорил с ней голосом, похожим на память.

Сейчас воздух пах так же. Озоном, морем и чем-то живым, чему она не знала названия.

Ясиния сидела в тишине трюма, и воспоминания, которые она четыре года запирала в дальний ящик стола, вдруг хлынули наружу. Не постепенно, не осторожно — разом, как пар прорывает старый клапан, как Маяк разорвал свое пламя в зеленое крыло. Она не звала их. Они пришли сами.

Ей пятнадцать. На ней нет очков, мир мягкий и ясный. Отец держит ее за руку своей большой ладонью, от которой всегда пахнет углем и машинным маслом, и ведет в оранжерею Хранителей.

В оранжерее пахнет прелой листвой и грибами, и это удивительно — потому что никаких грибов там нет. Просто запах земли, давно забытый в Медном Кулаке, обманывает нос. Ясиния крутит головой, разглядывая вяз — единственное живое дерево на всем архипелаге. Он кажется ей огромным, величественным, почти священным.

А потом она видит сову.

Маленькую, серую, похожую на комок пыли с глазами. Сова сидит на ветке и смотрит прямо на нее. Янтарные зрачки не мигают. В этих зрачках Ясиния видит себя — не теперешнюю, а какую-то другую. Ту, что не считает угольные квоты и не вздрагивает от стука в дверь. Ту, что просто сидит и смотрит.

Отец говорит: «Говорят, последняя». И Ясиния чувствует, как внутри что-то переворачивается.

С этого дня она начинает мечтать.

Мечта простая, как все невозможные мечты пятнадцатилетних. Она хочет, чтобы в Медном Кулаке снова появились совы. Не одна умирающая птица в оранжерее, а много. Десятки. Сотни. Тысячи. Чтобы дети с Первого острова просыпались от их криков, чтобы капитаны барж видели их в зеленом свете Маяка, чтобы перьевые узоры на подоконниках стали такой же частью жизни, как запах корицы и стук паровых молотов.

Она называет это «Проект Совиный Лес». Пишет в тетрадке заголовок и подчеркивает трижды.

Как же глупо, думает Ясиния теперь, сидя в трюме. Как по-детски глупо. И как правильно.

Тетрадь постепенно наполняется. Расчеты потребления воды на одно дерево. Таблица роста саженцев по месяцам. Список из семидесяти восьми латинских названий растений, которые могли бы прижиться. Чертеж искусственного гнезда — деревянного ящика с круглым лет-

ком, высланного изнутри сухой травой. На последней странице — карандашный рисунок совы на ветке вяза, неумелый, детский, с глазами размером в пол-лица.

Вечерами, после школы, она сидит над тетрадью и грызет карандаш. Отец заглядывает через плечо и улыбается. «Может, из тебя выйдет не только счетовод», — говорит он, и в его голосе — гордость. Мать качает головой, но не спорит. Дом полон тихого тепла, и Ясиния верит, что всё получится. Нужно только найти правильный баланс воды, света и удобрений. Нужно только чтобы старые книги в архиве не ввалились. Нужно только чтобы тетрадь не кончилась.

А потом котел номер семь взрывается.

Хранители говорят: трагическая случайность, несоблюдение техники безопасности. Компенсаций не положено. Ясинии пятнадцать. Мать уходит в себя и не возвращается.

Тетрадь ложится в ящик стола.

Не сразу — она пытается продолжать расчеты еще пару недель. Но цифры путаются. Строчки расплываются перед глазами. Каждый вечер она плачет над страницами, которые пахнут не чернилами, а угольной гарью, и запах этот — запах отцовых ладоней, только страшный, мертвый.

Однажды она закрывает тетрадь и убирает в дальний ящик, под старые декларации, которые жгут, когда кончается уголь.

Потом — инспекция. Стабильная работа на Седьмом острове. Чужие квоты, чужие отчеты, черный кофе и привычка сверять часы каждые пятнадцать минут. Тетрадь лежит в ящике Стола номер Семь — она забирает ее с собой, когда получает постоянный кабинет. Ни разу не перечитала. Но знает, на какой полке она лежит. Иногда, проходя мимо, касается корешка пальцами — быстро, украдкой.

Она убеждает себя, что всё хорошо. Убеждает так яростно, что почти верит.

А потом случается Восьмой день.

Маяк пульсирует. Пар говорит голосом отца. Хранители охотятся на всех, кто связан с Внешним Воздухом. Ясиния бежит через полгорода, сжимая в руке баллончик с перцовым экстрактом, и оказывается здесь — в трюме «Серой Совы», где всё началось.

Трюм молчал.

Ясиния сидела на перевернутом ящике, смотрела на зеленые полосы света и понимала: она не случайно оказалась именно здесь. Не случайно баржа носила имя той, что почти исчезла. Не случайно запах Внешнего Воздуха настиг ее именно в этом месте три недели назад.

— Совиный Лес, — произнесла она вслух. Голос прозвучал глухо, без слез, но с какой-то новой, незнакомой интонацией.

Она представила тетрадь. Таблицу роста саженцев. Латинские названия растений, которые никогда не вырастут. Карандашный рисунок совы со слишком большими глазами. В этом рисунке было столько надежды, что у нее перехватило горло.

Никакого Совиного Леса не будет. Не потому, что нет денег или связей. Не потому, что умер отец. А потому, что мир, в котором эта мечта могла существовать, исчез. Исчез задолго до ее рождения — в тот день, когда Раскол отрезал Медный Кулак от остальной вселенной. Тогда умерли последние совы. Та, в оранжерее, была не чудом, а отсрочкой. Ее держали не для разведения — как экспонат, как напоминание, что когда-то деревья росли не под стеклом.

Ясиния сняла очки. Протерла стекла. Надела снова.

Она ждала, что заплачет. Но слез не было. Только сухость в горле и странная, почти звенящая пустота внутри.

Мечта умерла. Умерла здесь, в трюме, под зеленым светом.

И когда она умерла, что-то изменилось. Ясиния вдруг поняла, чего она хочет теперь. Не вернуть сов. Слишком поздно для сов. Слишком поздно для деревьев. Но если Прорыв — правда, если Раскол закрывается, если Внешний Воздух ломится сюда и голос отца звучит в

паре, — тогда, возможно, старый мир умирает не просто так. Возможно, у этого нового мира будут свои совы.

Свои деревья.

Свои мечты.

Она присидела в трюме еще час.

Перебрала в памяти всё: оранжерею, отца, тетрадь, запах прелой листвы. Каждое воспоминание она прожила заново — без спешки, без гнева, без попыток удержать. Позволила им быть и позволила им уйти.

Потом встала, поправила очки и посмотрела на иллюминатор. Маяк всё еще пульсировал, но ритм изменился — стал ровнее, спокойнее, будто сердце, которое наконец вспомнило, как биться.

Ясиния вытащила часы. Половина одиннадцатого ночи. День, начавшийся с несработавшего будильника, подходил к концу. Один день ее жизни. Тот самый, который просил пар.

— Ты получил его, — сказала она в темноту. — День моей жизни. Вспоминай теперь сам, что хочешь с ним делать.

Ответа не было, но она и не ждала. Она шагнула к трапу.

Перед тем как подняться на палубу, Ясиния обернулась. В дальнем углу трюма, возле зарешеченного иллюминатора, лежал маленький серый комок — то ли обрывок шерстяной ткани, то ли перо, занесенное сквозняком. Она не помнила, чтобы видела его раньше. Может быть, он лежал здесь всегда. Может быть, появился только сейчас.

Она не стала подходить и проверять.

Просто кивнула — непонятно кому, непонятно зачем — и поднялась по скрипучему трапу навстречу зеленому свету.

Глава 4. Три свидетельства о рыжей

«Первое. Капитан Вельм, 47 лет, воздушная баржа «Серая Сова»»

Вы про Ясинию? А чего про нее рассказывать — она меня штрафовала четыре раза. Четыре! За три года. Я сорок лет хожу по воздуху, у меня дед еще уголь возил, когда Маяк только зажгли, и ни один инспектор не находил у меня больше двух мешков неучтенки. А эта нашла. Молодая, рыжая, в очках, лицо круглое — ну чистый птенец, а не ревизор. Я сначала подумал: смех, да и только. Посмеялся.

Она мне на первый штраф сказала: «Капитан, у вас в декларации не сходятся три мешка». Голос тихий, но такой, знаете, металлический. Не терпящий возражений. Я говорю: «Девонька, да ты в трюм-то спускалась? Там темно, грязно, одежду испачкаешь». А она поправила очки — вот этот жест, когда красная оправка вверх по носу ползет, — и отвечает: «Я спускалась. И пересчитала. И еще раз пересчитаю, если хотите».

Я не хотел. Она пересчитала. И нашла четыре, а не три.

Вот тогда я понял, что дело дрянь.

Характер у нее — не дай Пар никому. Вспыхивает мгновенно. Однажды я попробовал поспорить, сказал, что она не понимает специфики воздушных перевозок. Она так посмотрела на меня, что я чуть не поперхнулся. А потом тихо-тихо, почти шепотом: «Капитан, я понимаю только цифры. И цифры говорят, что вы воруете». И знаете, что самое страшное? Она была права. Я воровал. Все воруют. Но только она считала это проблемой.

А потом случился этот Восьмой день.

Я стоял на палубе, смотрел, как Маяк пульсирует, и думал, что всё, конец. Пар молчал. «Серая Сова» не отзывалась. Баржа, которая слушалась меня тридцать лет, вдруг стала чужая. И тут появляется она. Без шляпы, волосы дыбом, очки набекрень. Глаза горят — там, в темноте, прямо янтарные искры. Я сначала не понял, что это, а потом вспомнил: старые механики говорили, что у некоторых бывает. От Внешнего Воздуха. Или от сильных эмоций.

Она не спросила, как дела. Не сказала «капитан, вы в порядке». Она сказала: «Вельм, мне нужно в трюм». Просто пришла и сказала. Как будто имела право. Как будто это ее баржа, а не моя.

Я ее пустил. И вы знаете — правильно сделал.

Она просидела в трюме несколько часов. Я не спускался, не мешал. Когда она вышла, лицо у нее было такое, будто она постарела лет на пять и одновременно помолодела. Она посмотрела на меня и сказала: «Капитан, совы не вернутся. Но это не значит, что не будет других птиц».

Я не понял, что это значит. До сих пор не понимаю. Но когда она ушла, «Серая Сова» снова задышала. Пар пошел по трубам. Баржа ожила. И я подумал: может, эта рыжая и не налоговый инспектор. Может, она из тех, кто договаривается не с цифрами, а с чем-то другим.

Кто она? Не знаю. Просто женщина, которая четыре раза меня штрафовала. Но я бы пошел за ней в Прорыв, если бы позвала. И не спрашивайте почему.

«Второе. Голос в паре»

мы не помним имен

мы помним тепло

она пришла когда мы уже не ждали

мы говорили с ней голосом ее отца

это было жестоко

но правда всегда жестока

а отец ее был хорошим механиком

он знал что мы живые

он погиб потому что не захотел молчать
и мы хранили его тепло пятнадцать лет
пока не пришла она
она сидела в кабинете и руки у нее дрожали
но голос был твердый
она спросила чего мы хотим
мы сказали правды
и одного дня ее жизни
она дала нам день
мы смотрели как она бежит по мостам
как поправляет очки
как сжимает баллончик с перцем
как сидит в трюме и плачет без слез
она не знала что мы видим
а мы видели
мы видели тетрадь в дальнем ящике
мы видели сову на ветке вяза
мы видели отца который держит ее за руку
и мы видели как она отпускает мечту
не ломает
не выбрасывает
просто открывает ладонь и дает ей улететь
это редкий дар
уметь отпускать
мы не знаем что будет дальше
раскол закрывается
внешний воздух идет
и мы идем вместе с ним
но эту женщину мы запомним
не как избранную
не как героиню
как ту которая слышала
когда она уходила из трюма
мы положили ей под ноги перо
маленькое серое перо
последней совы из оранжереи
мы хранили его шестьдесят лет
она не подняла его
просто кивнула
этого было достаточно

«Третье. Дознаватель Корвус, орден Хранителей Маяка, отдел внутреннего надзора»

Вы хотите знать об объекте «Ясиния»? Изложу в рамках протокола.

Первое столкновение зафиксировано восьмого числа сего месяца. Объект явился в канцелярию Седьмого острова, обнаружил несработавший будильник и проявил первые признаки нестандартного поведения — вместо того чтобы обратиться в ремонтную службу, самостоятельно проследовал к причалам. Уже тогда следовало обратить внимание.

Когда моя группа прибыла для беседы, объект находилась в своем кабинете. На вопросы отвечала уклончиво. На утверждение о неучтенном отчете по Восьмому острову ответила ложью — я уверен, потому что от нее пахло Внешним Воздухом. Характерный запах. Оши-

биться невозможно. Объект демонстрировала внешние признаки спокойствия: ровный голос, прямой взгляд. Однако часто поправляла очки — жест, указывающий на внутреннее напряжение.

Потом она сбежала. Через заднюю дверь, которую держала открытой. Мы не предусмотрели.

Преследование результата не дало. Объект знает Седьмой остров лучше, чем можно ожидать от налогового инспектора. Мы потеряли ее у грузового причала. Когда нашли — она уже была в трюме баржи «Серая Сова». Трюм был полон пара с признаками Внешней активности. Мы не вошли. Я принял решение ждать снаружи.

Она вышла через несколько часов. Одна. Без оружия. С несвойственной ее должности уверенностью, которую я могу квалифицировать только как опасную. Прошла мимо моих людей, даже не взглянув. Остановилась на минуту, посмотрела на Маяк и сказала — я записал дословно: «Он бьется ровнее. Вы заметили?»

Мы не заметили.

Я отпустил ее. Да, это нарушение протокола, и я готов понести ответственность перед Советом. Но когда она стояла там, в зеленом свете, с круглым лицом и дурацкими очками, которые смотрели куда-то сквозь меня, я понял, что задерживать ее бессмысленно. Она не враг. Она что-то другое.

Прилагаю к рапорту рекомендацию: исключить объект «Ясиния» из списка целей. Не потому, что она безопасна. Потому, что она важнее, чем наш список.

И да, она так и не подала тот отчет.

(Три рассказа. Три голоса. У каждого своя правда, но кое-что общее есть у всех. Капитан помнит ее руку, поправляющую очки. Пар помнит перо, оставленное в трюме. Хранитель помнит фразу про Маяк. Разные люди, разная память, а женщина одна и та же — рыжая, круглая лицом, с янтарными искрами в глазах. Легенды начинаются не с подвигов. Они начинаются с тех, кто услышал.)

Глава 5. День, которого не было

Ясиния проснулась поздно.

Это было первое нарушение. За четыре года службы она ни разу — ни разу! — не позволяла себе проспать. Будильник всегда звенел ровно в шесть, пятнадцать оборотов ключа накату, ни больше ни меньше. Но сегодня она открыла глаза, и в окно лился свет. Не рыжая мгла, не зеленое пульсирование, а обычный, желтоватый, теплый свет. Такой, какого она не видела никогда.

Она села на кровати и замерла.

Очков не было. То есть они лежали на тумбе — черно-красная оправа, привычная до последней царапины, — но они были не нужны. Она видела каждую трещинку на потолке, каждую пылинку в солнечном луче. Она видела так ясно, как не видела даже в очках.

— Что за...

Она не договорила. В дверь постучали.

— Ясиния, ты опоздаешь! — Голос был женский, теплый, с легкой хрипотцой. — Я сварила кофе.

Мама.

Ясиния замерла с рукой на полпути к халату. Мама не варила кофе уже четыре года. Мама не стучала в дверь бодрым утренним голосом. Мама сидела в своей комнате, у окна, и смотрела в одну точку, и когда Ясиния приносила ей чай, она даже не оборачивалась.

— Иду, — сказала Ясиния хрипло, и сама не узнала свой голос.

Она встала. Босые ноги ступили на теплый пол — не чугун, не холодный камень Седьмого острова, а дерево. Настоящее дерево. Теплое, чуть поскрипывающее. Она наклонилась и потрогала его пальцами. Гладкое. Живое.

На кухне пахло кофе, свежим хлебом и почему-то яблоками. Яблоками, которых в Медном Кулаке не росло уже шестьдесят лет.

Мать стояла у плиты. Спина прямая, волосы убраны в пучок — ни следа той серой тени, в которую она превратилась после смерти отца. Она обернулась и улыбнулась. Улыбка была легкая, почти беззаботная, и Ясиния почувствовала, как что-то в груди сжимается и разжимается одновременно.

— Ты сегодня без очков? — спросила мать. — Давно пора. Они тебя старили.

— Я... — Ясиния потрогала переносицу. — Я просто забыла.

— Ну и правильно. Садись завтракать.

Ясиния села. Чашка кофе — черного, горького, обжигающего — уже стояла на столе. Она взяла ее обеими руками, как грелку, и поднесла к губам. Кофе был именно таким, как она любила. Не из контрабандных запасов, не сваренный впопыхах перед побегом. Обычный домашний кофе.

— А где... — Она запнулась. — Где папа?

Мать поставила тарелку с хлебом на стол и улыбнулась.

— В мастерской, где же еще. У него новый проект. Говорит, к обеду освободится.

Мастерская.

Ясиния допила кофе одним глотком, обожглась и даже не заметила. Она встала — ноги сами понесли ее к двери.

— Я скоро, — бросила она через плечо и выскочила в коридор.

Улица встретила ее шумом.

Не скрежетом паровых молотов, не шипением пневматических труб, не гулом угольных дробилок. На улице пели птицы. Самые обыкновенные, наглые, крикливые птицы, которых она знала только по картинкам в старых книгах. И деревья — да, деревья росли прямо вдоль мосто-

вой. Не в оранжереях, не под стеклянными колпаками, а под открытым небом. Она видела их зелень, она слышала, как ветер шелестит листвой, она чувствовала запах — не корицу, не масло, не сероводород, а горьковатый запах тополиных почек.

Маяк на центральной башне не горел. Он просто стоял — старая чугунная башня, никому не нужная в этом новом мире.

По улице шли люди. Много людей — не бегущих, не испуганных, не дерущихся за квоты на уголь. Просто гуляющих. Кто-то катил детскую коляску. Кто-то сидел на скамейке и читал газету. Маленькая девочка кормила голубей крошками.

Ясиния пошла по улице, сама не зная куда. Ноги помнили дорогу, даже если разум отказывался верить.

Мастерская отца находилась на углу, возле старого причала. Раньше здесь была котельная, где отец работал механиком-пневмоником. Теперь на ее месте стоял небольшой дом с распахнутыми настежь окнами. Изнутри доносился стук молотка, только не тяжелый, металлический, а легкий, деревянный.

Отец стоял у верстака. Он был без кителя, в простой рубашке с закатанными рукавами. Ладони, которые Ясиния помнила вечно перепачканными машинным маслом, были в опилках. Он строгал доску — и делал это с таким удовольствием, что Ясиния замерла на пороге, боясь спугнуть.

Он обернулся сам.

— А, птица моя! — сказал он и отложил рубанок. — Гляди, что делаю.

Ясиния подошла ближе. На верстаке лежал недостроенный ящик — деревянный, с круглым отверстием. Она сразу узнала чертеж. Тот самый, из тетради. Искусственное гнездо для сов.

— Ты... — голос сорвался. — Ты делаешь гнездо?

— Угу, — отец кивнул и прищурился на свою работу. — Мне тут сказали, одна девочка мечтала о совах. Не могу же я подвести.

Ясиния стояла и смотрела на его руки, на опилки, на свет, падающий через открытое окно, на недостроенное гнездо, которое было точь-в-точь как на ее детском рисунке. Что-то горячее потекло по щеке, и она не сразу поняла, что плачет.

Отец обнял ее. От него пахло не углем, не гарью, а свежим деревом и теплом. Просто теплом.

— Все хорошо, — сказал он тихо. — Все хорошо. Я здесь. Мама здесь. Все живы.

— Ты погиб, — прошептала она ему в плечо. — Котел взорвался. Тебя не стало.

— Знаю, — сказал он, и в его голосе была странная, глубокая печаль. — Но не сегодня. Сегодня я здесь. Давай просто побудем.

Они провели день вместе. Впервые за много лет — целый день.

Мать накрыла обед на террасе. Они сидели втроем, ели картошку с зеленью — настоящую, а не выращенную на гидропонике, — и говорили. О пустяках. О том, что на Восьмом острове открылась школа, и туда нужен учитель. О том, что старый вяз в оранжерее дал семена, и их уже высадили в городском саду. О том, что капитан Вельм — тот самый, которого она штрафовала четыре раза, — предлагает ей должность главного инспектора воздушного флота, только теперь не по углю, а по озеленению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.